

Казакова М. Н.
ЭТНИЧЕСКАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ
И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНОСА¹

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва
ул. Большевистская, 68, 430005 г. Саранск, Республика Мордовия,
mnkazakova@mail.ru

Поиск форм этнического самовыражения сопровождает человечество на всех этапах исторического развития. Наиболее заметным национальный вопрос стал с середины XX в. в связи с распадом колониальной системы и образованием новых независимых государств. В конце XX в. национальные проблемы вышли на первый план и в ряде европейских государств.

Национальное самовыражение может проявляться как в экстремистских формах, несущих разрушительный заряд, так и в виде различных социальных процессов, обусловленных общими закономерностями развития этнических групп и их взаимоотношений с государствами и иными социальными группами. В случае если этническое самосознание построено на негативной оппозиции по отношению к иным социальным общностям, практически неизбежен конфликт, обусловленный в том числе невозможностью выражения в признанных в государстве правовых формах.

В международной практике закреплено право народа на самоопределение, предполагающее коллективный выбор экономического, социального и культурного развития, определение политического статуса. Закрепленный в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) принцип равноправия и самоопределения народов направлял регулятивное воздействие преимущественно на такую область миропорядка, как деколонизация. Под влиянием объективных цивилизационных процессов принцип самоопределения народов и наций менялся и развивался. Изначально предполагаемое самоопределение по признаку этничности наполнялось новым содержанием, согласно которому в качестве обобщающего термина для обозначения субъекта права на самоопределение должен выступать народ в конституционно- и международно-правовом смысле данного термина.

Современное международное право уже не сводит право коллективных субъектов на самоопределение только к возможности сепарации. В практике государственного строительства многих стран закреплены разнообразные возможности учета особенностей этнических групп, например, в процессе реализации политики мультикультурализма, этнического федерализма и др.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

Идеи «этнического ренессанса», стимулированные глобализационными процессами, активизировали дискуссии относительно наличия у этнических групп так называемых «коллективных прав» и возможностей их практической реализации. Под коллективными правами подразумевается совокупность прав и свобод, особенность которых состоит в возможности реализации их группой лиц, коллективно. Таковыми считаются: 1) права меньшинств, включающих людей, объединенных этническими, конфессиональными или языковыми связями; 2) права народов: право на самоопределение, развитие, на мир и безопасность, на здоровую окружающую среду.

Вопросы реализации этногрупповых прав рассматриваются преимущественно сквозь призму юриспруденции, социологии и политологии. При этом отмечается значительная поляризация мнений относительно конкретного содержания коллективных прав, наличия коллективной правосубъектности, форм реализации данных прав и т. п.

Сторонниками концепции «коллективных прав» этнокультурных сообществ отстаивается идея о том, что коллективные права выступают общепризнанной нормой и основой международной политической практики, а признание и институционализация коллективных прав этнических групп – ключевым условием недопущения дискриминации и гарантией обеспечения прав этнонациональных меньшинств [6, с. 106]. При этом речь идет о нескольких прочтениях данного термина. Они могут интерпретироваться как индивидуальные права в коллективном измерении (т. е. реализуемые совместно с другими людьми); как общие права человека и гражданина как члена определенной группы; как специальные права, принадлежащие индивидам определенной категории, и, наконец, как права социальной общности («групповые права») [4, с. 81].

Концепция «коллективных прав» подразумевает прежде всего права конкретной социальной группы (народа, этнической общности, этнонационального меньшинства), которая выступает носителем данных прав. Данный подход предполагает повышение правового статуса этнических общностей как носителей этнокультурного многообразия, возможность наделения их правосубъектностью. Необходимость придания статуса субъекта права этническим общностям объясняется тем, что отдельный индивид не может выступать носителем этнических прав, не может быть репрезентативен относительно всей этнической культуры, следовательно, этническая культура как системное свойство общности не может функционировать в рамках одного индивида [5, с. 104]. Непризнание за этническими общностями коллективных прав влечет за собой отсутствие полноценной правовой защиты, благоприятных условий, необходимых для воспроизводства их этнической уникальности. Признание данных прав служит гарантией неприкосновенности автономных институтов меньшинств со стороны государства и этнического большинства, инструментом предотвращения нарушения государством гарантий прав этнических меньшинств на пользование языком, автономию и т. д. Конституирование

групповых прав – важнейшее условие групповой идентичности, так как признание государством групповой отличительности немыслимо без признания прав группы, располагающей отдельными атрибутами суверенитета.

Права народов составляет так называемое «третье поколение» прав человека, охватывающее те категории, которые по социальным, физиологическим или другим причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны государства и мирового сообщества [1, с. 1908]. В отличие от прав человека, коллективные права не принадлежат к категории естественных, они возникают на основе формирования группового самосознания, становления интересов, для их осуществления необходимы коллективные действия.

М. Б. Напсо обращает внимание на то, что коллективные права этнических общностей, народов позволяют сохранять себя как специфические этнокультурные общности и побуждают государство эффективнее регулировать весь спектр этносоциальных отношений [1, с. 1908]. По мнению автора, в особом правовом регулировании нуждаются такие проблемы, связанные с правами народов, как: предоставление самостоятельности, обеспечение самоуправления, равноправия этносов и их права на развитие этнонациональной самобытности, включенность в структуры власти и др. [2, с. 44].

Данный подход вызывает критику в академическом сообществе по нескольким ключевым позициям. С нормативно-правовой точки зрения подвергается сомнению факт признания идеи этногрупповых прав современным международным гуманитарным правом, а также наличие правосубъектности этнической общности в силу отсутствия ее деликтоспособности. Так, М. А. Южанин отмечает, что этническая общность не может быть субъектом ответственности и не может иметь обязанностей, следовательно, не наделена свойством правосубъектности. Кроме того, право народов на самоопределение, декларированное в нескольких международных актах (Международном пакте о социальных, экономических и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах и др.), непосредственно не относится к этническим коллективам [7, с. 203].

А. Г. Осипов, анализируя концепт этногрупповых прав в международно-правовой доктрине, обращает внимание на отсутствие достаточных оснований для того, чтобы говорить о наличии коллективных прав этнической общности в юридическом смысле. Автор отмечает, что эволюция главных международных инструментов защиты меньшинств и предотвращения дискриминации осуществляется в рамках концепции коллективного измерения индивидуальных прав [4, с. 90].

Думается, что ни один из представленных подходов недопустимо трактовать как универсальный. Нельзя отрицать тот факт, что этническая принадлежность относится к числу важных сущностных характеристик

личности, права и свободы человека тесным образом связаны со статусом соответствующего народа, с выбором пути своего развития.

В то же время признание и реализация особых этногрупповых прав может серьезно осложнить ситуацию в многонациональных государствах, подорвать основы системной интеграции полиэтнических наций. Не подвергая сомнению принцип права народов на самоопределение, важно конкретизировать, что подразумевается под самоопределением и в каких формах оно может воплощаться. Существующее число этносов многократно больше вероятного количества потенциальных государств, лимит дробления на национальные государства не может быть бесконечным. И международно-правовые акты, гарантирующие право наций на самоопределение и свободное развитие, не поощряют расчленение государств по национальному принципу.

Особое внимание следует уделять вопросам конституционного обеспечения гражданских и политических прав людей как представителей определенной этнонациональной, конфессиональной, культурно-языковой или иной общности. В этом контексте и следует, на наш взгляд, солидаризируясь с рядом авторов, говорить об этнической правосубъектности как способности политически или социокультурно обособленного этноса иметь, реализовать и приобретать права, создавать юридические обязанности, являясь субъектом коллективных прав и свобод.

Для обретения правосубъектности представители этнических групп должны создать общественное объединение. Подобного рода объединения допускаются внутригосударственным законодательством. Так, например, в Российской Федерации формой национально-культурного самоопределения является национально-культурная автономия [3]. Необходимо подчеркнуть, что право на национально-культурную автономию не предполагает права на национально-территориальное определение. В этнически неоднородном государстве именно многонациональный народ выступает в качестве субъекта права, что исключает интерпретацию прав в пользу отдельного этноса.

Список использованных источников

1. Напсо, Б. М. Права народов и права индивида: социально-философские и правовые аспекты соотношения индивидуальных и коллективных прав / Б. М. Напсо // Право и политика. – 2012. – № 11. – С. 1907–1917.

2. Напсо, М. Б. Права человека, права меньшинств и народов / М. Б. Напсо // Журнал российского права. – 2015. – № 4. – С. 36–45.

3. О национально-культурной автономии [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 июня 1996 г., № 74-ФЗ : в ред. Федер. закона от 04.11.2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

4. Осипов, А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? / А. Г. Осипов //

Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 80–100.

5. Тарбастаева, И. С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике / И. С. Тарбастаева // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 101–107.

6. Южанин, М. А. «Коллективные права» этнических общностей: анализ социально-правовой концепции / М. А. Южанин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2011. – № 7. – С. 105–110.

7. Южанин, М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов / М. А. Южанин // Социология власти. – 2012. – № 1. – С. 201–211.

Пилипенко А. А.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ ДОЛЖНОЙ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, *finance204@mail.ru*

Одним из наиболее актуальных прикладных вопросов осуществления предпринимательской деятельности в Республике Беларусь является формализация претензий контролирующих органов к субъектам хозяйствования, контрагенты которых включены в реестр коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с повышенным риском совершения правонарушений в экономической сфере (далее – реестр). Ведение данного реестра предусмотрено Указом Президента Республики Беларусь от 23 октября 2012 г. № 488 «О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств» (далее – Указ № 488). Одной из наиболее известных является концепция должной осмотрительности при выборе контрагента, которая в настоящее время в нашей стране приобретает востребованную практическую актуальность.

Несмотря на то, что понятие «должная осмотрительность» имеет в первую очередь прикладную атрибутивность, которая характеризуется совершением субъектом хозяйствования определенных действий, научному детерминированию данного явления также уделяется определенное внимание. При этом в научных исследованиях прослеживается эволюция от понимания должной осмотрительности как совокупности определенных действий к доктринальному оформлению данного феномена. И. В. Вачугов дает самое общее определение понятию «должная осмотрительность»: «Этот термин означает осуществление налогоплательщиком комплекса мер при выборе контрагентов, направленных на снижение своих рисков в случае осуществления налоговых проверок» [1, с. 10]. С точки зрения Д. Путилина, «смысл доктрины “должной осмотрительности” заключается в том, что